

Василий Карасев

Проныра

Деревенское фэнтези

Василий Карасев

Проныра. Деревенское фэнтези

«Издательские решения»

Карасев В.

Проныра. Деревенское фэнтези / В. Карасев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853065-4

Дорога окончательно перестала следить за собой, опустилась, лежала неряшливой грязной колеей под ногами, но самое удивительное — на свертке в деревню стоял слагбаум, а возле него будка с двумя солдатами. Они сидели на широкой деревянной скамье и лениво резались в карты. На меня солдаты даже не посмотрели.

ISBN 978-5-44-853065-4

© Карасев В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
ЧАСТЬ I. ОЗЕРО	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Проныра Деревенское фэнтези

Василий Карасев

© Василий Карасев, 2017

ISBN 978-5-4485-3065-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Едва за соседний дом улетает желтый окурок солнца, и Ночь садится на скамью у подъезда, как во дворе появляется худой и нескладный человек. Это Кукольник. Он ставит на землю старый деревянный чемодан и молча смотрит в наши окна. А когда какое-нибудь из них гаснет, достает из чемодана тряпичную куклу, вдыхает в нее сон и отправляет на свидание.

Каждый раз он приносит разных кукол. Но всегда среди них есть женщина в странном малиново-желто—зеленом наряде. У женщины длинные седые волосы и озорные веселые глаза. Высокий раздвоенный колпак, тонкие крылья за спиной и скрипка... Это Оодьма, крылатая вестница перемен. Если она залетела к вам в окно, значит, Судьбе стало скучно наблюдать за вашей спокойной и размеренной жизнью....

ЧАСТЬ I. ОЗЕРО

Глава 1

Не так уж сложно поймать себя на чужой мысли. Всего лишь немного внимания.

В тот день я стоял у окна, пил горячий кофе и наблюдал за чудаками на улице, которым не спится в семь часов утра. Настроение было хмурым – сидеть весь отпуск в городе к началу августа просто осточертело.

– А почему бы тебе не съездить к Ваньке? – спросил я себя.

С Ванькой Плотниковым мы когда-то вместе учились в институте – грызли гранит педагогической науки. Запивая его по вечерам пивом и дешевым – на разлив – вином из ближайшего ларька. Но гранит он и есть гранит, чем его не запивай. На третьем курсе Ванька обломал зубы и уехал фермерствовать в родную деревню. У меня зубы оказались покрепче. Я все—таки догрыз его до последней крошки, заработав гордое звание «учитель начальных классов» и гастрит в придачу.

Ванька жил в какой-то маленькой деревушке на берегу озера – самое то, чтобы провести остаток отпуска вдали от цивилизации. На рыбалку схожу. Я ведь, стыдно сказать, ни разу не был на рыбалке! И повод потратиться на цифровой фотоаппарат, наконец-то, появится. Потом можно будет весь год рассматривать фотографии и хвастаться проведенным отпуском. Да и Ваньке сюрприз. Сколько ж лет мы не виделись? Семь? Мама дорогая...

Аргументы в пользу поездки были мои. А вот сама мысль о ней...

Если бы она была моей, то звучала бы так:

– А почему бы мне не съездить к Ваньке?

Но я был невнимателен. Я ведь не знал, что ночью ко мне в гости заходила Вестница перемен. Играла на скрипке, рассказывала странные истории и негромко хихикала, подсматривая в зеркало за моим будущим. А, уходя, Одыма оставила мне чужую мысль. С которой всё и началось.

Автобусы до Ванькиной деревни не ходили. От райцентра до нее было километров пятьдесят через поля и перелески Барабинской низменности, большой озерной страны посередине Западной Сибири. Сорок пять я проехал на попутном грузовике, а остальное пришлось пешком – впрочем, не за тем ли я и направлялся? Дорога окончательно перестала следить за собой, опустилась, лежала неряшливой грязной колеей под ногами, но самое удивительное – на свертке в деревню стоял шлагбаум, а возле него будка с двумя солдатами. Они сидели на широкой деревянной скамье и лениво резались в карты. На меня солдаты даже не посмотрели.

Ванька сильно удивился моему приезду и, как ни странно, не очень-то обрадовался. А может, мне просто показалось – все—таки за семь лет я сильно отвык от его замкнутого немногословного характера. Он сильно раздался в плечах и талии, носил полосатые брюки и клетчатую рубашку, принципиально не брил бороду и выписывал районную газету, в которой, впрочем, читал лишь программу телепередач и некрологи. Зачем некрологи – еще понятно, но вот зачем читать телепрограмму, если у тебя нет телевизора – это выше моего понимания. А просить у Ваньки объяснений всё равно, что заставлять теленку петь арию Ленского. Как ни старайся – выйдет опера Тургенева. Сами знаете какая.

Однако через час меня ждал стол с копченым свиным окороком, аппетитной деревенской колбасой, огромной тарелкой огородной зелени и холодным брусничным напитком.

– Процветаешь? – поинтересовался я, присаживаясь на добротный самопальный стул.

– Процветешь тут, – вздохнул Ванька и достал из шкафчика бутыл с самогоном. Взялся за пробку, но словно что-то вспомнив, отставил «сельское шампанское» в сторону, встал и зачем-то запер дверь на крючок.

– Видишь на мне эти брюки? – спросил он, возвращаясь.

Брюки я видел. Ничего нового – две штатины и замок—молния как на любых других. Поэтому просто поднял вопросительный взгляд на Ваньку.

– Раньше я одевал их только на Пасху, – сообщил он.

– На какую Пасху? – опешил я.

– Классику читать нужно, – ухмыльнулся Ванька и разлил самогон по стаканам.

Отвык я, однако, от милых Ваниных шуточек – это же цитата из «Золотого тельца»! Книг за свою жизнь он прочел всего две, но обе помнил практически наизусть.

– А дверь-то зачем закрыл? – спросил я, запивая самогон брусничкой.

– Надо.

Вот и поговори с ним. Опера Тургенева, однозначно. Впрочем, на воспоминания Иван не скупился. Часа полтора мы неторопливо пережевывали косточки общему Прошлому, улыбаясь былым проказам и отыскивая на пыльном чердаке памяти старые никому не нужные тайны. Секреты личной жизни с давно просроченным сроком давности. Мы снова были юными, ведь когда люди вспоминают юность – зеркала отворачиваются.

Но любые воспоминания заканчиваются. Обычно вместе с застольем. Ванька встал из-за стола и отправился управляться по хозяйству, а я решил прогуляться по деревне.

– Ты это... – задержавшись в дверях, неожиданно заявил он, – не обращай внимания особо...

– На что? – не понял я.

– Ну... если что странное увидишь... деревня глухая у нас, – он потоптался на пороге и ушел, тихо прикрыв за собой дверь. То ли дробить зерно для коров, то ли поить гусей обратом – я в этом сельском хозяйстве все равно, что утконос в игре на бирже. Так что я накинул ветровку, сунул в карман банку пива и отправился на озеро знакомиться с местными красотою. Никаких особых странностей по пути мною замечено не было. Ванькин сосед, чинивший старенький трактор через улицу, молча кивнул в ответ на мое «здрасьте», а бабка, попавшаяся навстречу, поинтересовалась, не племянник ли я Попрушкиных. Вынужден был ее огорчить.

На Озере – именно так, с большой буквы, называли его местные – было тихо. По небу плыли косматые белые облака, а возле камышей роняли головы в воду дикие утки. На узкой полоске песка стили следы чьих-то босых ног, исчезая в невысокой траве чуть поодаль от берега, и любопытный ветерок, словно следопыт, шуршал между травяных стеблей, ища потерянное детство. Я стоял и чувствовал, как время наслаивается друг на друга: прошлое на настоящее, а будущее на прошлое, и получается сладкий пирог воспоминаний и грёз. Воспоминаний о будущем и грёз об ушедшем – неосознанных, зыбких, почти эфемерных, но чарующих своим терпким ароматом чудесного. Несколько долгих мгновений, а затем чары развеялись, оставив горьковатое послевкусие неслучившегося.

На другом берегу, утопая в яркой солнечной луже, виднелась небольшая деревенька с мельницей у самого озера. Мельница была старой, будто с иллюстрации к роману старика Сервантеса. Залюбовавшись, я открыл прихваченную с собой банку пива и тут же услышал за спиной легкое покашливание.

– Кхм... Вы, я вижу, нездешний, вуаля? – фраза была сказана в нос, вплоть до запятых и знака вопроса.

Обернувшись, я обнаружил босого долговязого гражданина с длинными соломенными волосами и редкой бородашкой. Одет сей субъект был в светлые летние брюки на подтяжках и узкий короткий галстук. Я невольно поежился: плюс десять вовсе не та температура, при которой комфортно ходить босиком и без рубашки.

– Позвольте представиться, – гражданин отвесил шутовской поклон, – Архипыч.

– Миша, – осторожно ответил я, с изумлением разглядывая странного аборигена.

– Не сочтёте ли за бестактность, любезнейший мон шер ами Михаил... эээ...

– ...Федорович.

– ...Михаил Федорович, если я попрошу вас угостить меня пивом? Да—да, перед вами жертва радикального стремления к нетрезвому образу жизни.

Я посмотрел на мятый галстук радикальной жертвы и неожиданно для самого себя предложил:

– А давайте обменяемся. Я вам пиво, а вы мне расскажите, что это за село – вон там, за озером? Где мельница старинная...

– Мюле? – переходя на ломанный немецкий, переспросил Архипыч. – Ах, майн херц... Это Колдуны.

– Что за Колдуны? – заинтересовался я, протягивая собеседнику банку пива.

– Деревня, в которую нельзя попасть простому смертному, – нормальным голосом ответил Архипыч, осушил долгим глотком банку и, развернувшись, зашагал в сторону рощи.

– Домо аригато, Миша—сан, большое домо аригато за бир! – выкрикнул он, не оборачиваясь и исчез среди зеленой листвы тополей.

Ваньку я застал в сарайке. Он кормил каких-то ушастых зайцев... или кроликов?... и тихо напевал шлягер десятилетней давности. Зайцы смотрели на него ласково, словно на Деда Мазая.

– Колдуны? – переспросил Иван. – Брехня. Нет там никакой деревни.

– Как это нет? А мельница?

– «Где же электростанция? – сказал председатель, ковыряя палкой в трещинах фундамента», – процитировал в ответ Ванька.

– Не понял!

– Мираж то. Нет там никакой деревни.

– Мираж? – усомнился я. – А почему название такое странное – Колдуны?

Ванька оторвался от кормления братцев—кроликов.

– Байка местная, – нехотя пояснил он. – Легенда. Вроде лет восемьдесят назад стояла там настоящая деревня. И жили колдуны. А потом пришли большевики, и колдуны от них спрятались.

Ванька замолчал и вернулся к спасению кроликов от голодной смерти.

– И что дальше? – не выдержал я.

– Всё.

– Вся легенда?!

– Да.

– Тьфу на тебя.

Я направился к дому, захватил свой новенький цифровик, купленный специально в поездку, и вернулся на Озеро. Солнечная лужа, в которой купались Колдуны, сильно обмелела, но снимок должен был получиться ярким и качественным. Достал фотоаппарат из футляра, навел объектив на мельницу, посмотрел на экран и обомлел. Монитор не показы-

вал ни мельницу, ни маленькие домики – только зеленую полосу поросшего камышом берега. Что за чертовщина? «Он посмотрел на членов комиссии, которые, в свою очередь, сказали „гм“. Электростанции не было»...

Глава 2

– Убедился? – хмыкнул Иван, встретив меня у ворот.

Он вручил мне лопату и, кивнув на огород, отправил копать червей для вечерней рыбалки. Огород у Ваньки был небольшим. Пара грядок огурцов, несколько рядов помидор, пузатые вилки капусты, лук, чеснок и прочая зелень. Пока мой друг готовил удочки и вытаскивал надувную резиновую лодку, я успел натереть лопатой пузырь на ладони и наковырять десятка три толстых красных червей. Черви отчаянно извивались, предчувствуя свою незавидную участь. Я поместил их в стеклянную банку, подошел к водопроводному крану, торчавшему у самого забора, и тщательно отмыл от грязи. И только тут заметил соседскую девчонку лет двенадцати, которая залезла на забор и с любопытством наблюдала за мной.

– Ты чего это делаешь? – раздался за спиной удивленный ванькин голос.

Девчонка на заборе ехидно хихикнула.

– Он червей моет!

– Зачем?!

– Как это зачем? – теперь уже удивился я. – Мы что на грязных червей будем рыбачить?

– Чистюля, блин, – Ванька отобрал у меня банку с мокрыми недовольными червями и расхохотался. Вместе с ним засмеялась и девчонка. Я смущенно посмотрел на друга, повернулся к девчонке и остолбенел. Сквозь конопатое смеющееся лицо, ставшее вдруг полупрозрачным, проглядывало второе – хмурое и злое. Взрослое лицо тридцатилетней женщины с неприятным тяжелым взглядом. Та, вторая, пристально посмотрела на меня, и смех внезапно оборвался. Девчонка спрыгнула с забора и умчалась в соседский дом.

– Что это? – обернулся я к Ваньке.

Но он лишь недоуменно посмотрел на меня. Несколько секунд я колебался, но затем потянул его за рукав и, утащив с огорода, рассказал о своем видении. Ванька сразу помрачнел.

– Пить меньше нужно, – бросил он.

– Да я ведь...

– Рыбачить пошли, – оборвал он меня. – Вечер уже.

На рыбалке мы оба молчали. Ванька по привычке, а я... Как бы не увлекался современный человек историями о магии, колдовстве, клыкастых вампирах или зеленых человечках с Альфа Центавры, в душе мы все рационалисты. И когда сталкиваемся с явлениями, не укладывающимися в привычную картину мира, то первым делом пытаемся найти им рациональное объяснение. Что я и делал, пока мы шли на Озеро, надували лодку и плыли на ней между высоких камышей. А потом выкинул все из головы. Подумаешь, мираж! В пустыне, говорят, они вообще на каждом шагу. А интеллигентный алкоголик может наплести таких небылиц, что и сто мудрецов не разберутся. Сложнее было с видением, но... мало ли что иногда привидится человеку.

Лодка выплыла на чистую воду, остановившись у самого каря камышей, Ванька привязал ее к мокрым стеблям и закинул удочки. Солнце лениво каталось по линии горизонта, стирая о нее края, в камышах тихо плескались караси, устраиваясь на ночлег, а над водой, зорко выглядывая добычу, парили большие белоснежные чайки – мартыны и бакланы. Все—таки нет лучшего способа медитации, чем рыбалка, куда там всяким восточным гуру с их гуризмом. Сидеть в лодке, покачиваясь на волнах и смотреть на спящий поплавок в ожидании, что его вот—вот разбудит позарившаяся на приманку рыба, и наслаждаться тишиной... Человечество погибнет от шума – в вечной суете города просто нет места тишине. И только выезжая на природу....

– Ага, есть! – Ванька бросил карася на резиновое дно и расплылся в довольной улыбке. Вытащил из банки мокрого червя, нанизал на крючок и снова забросил в воду. Я посмотрел на свой поплавок, но он даже и не думал просыпаться. О чем я там думал?

И только выезжая на природу...

– Смотри—ка, еще один! – улыбка приятеля стала еще шире. – Крупняк какой... Может ты и прав... насчет чистых червей.

Крупняк затрепыхался на дне лодки, вызывая легкую зависть. Мне бы такого поймать! Я вытащил удочку, убедился, что приманка на месте и снова закинул. Поплавок недовольно покачался на волнах и впал в привычную дрему. И только выезжая на природу...

– Пошел клев, пошел! – заявил Ванька, снимая очередного карася..

Да что же это такое? Почему у него клюет, а у меня нет? Ну вот еще один, и еще.... Так не бывает, чтобы только забросил и сразу клев! Пусть я не рыбак и мою червей, но так точно не бывает!

– Завидуешь? – ухмыльнулся Ванька. – А ты не за... тащи, тащи! Клюет же!

Я вскочил на ноги, чуть не перевернул лодку, схватился за удочку и рванул на себя.

– Осторожней же! – донесся до меня Ванькин голос.

В воздухе мелькнула небольшая рыбина, переливаясь в лучах закатного солнца, сорвалась с крючка и... приземлилась точно в лодку. Это был окунь. Не очень крупный, скорее даже маленький с полосками на спине и странным красноватым отливом. Я торжественно поднял его со дна и предъявил очевидцу моего успеха. Вот, мол, мы какие – тоже кое—что можем! Очевидец, однако, отчего-то нахмурился, взял окуня в руки и.. выбросил обратно в озеро.

– Ты чего?! – опешил я.

– Мутон это.

– Какой еще мутон?! Мутант что ли?

– Пусть будет мутант. Полосы красные видел? Негожая рыба. Съедем – отравимся.

Я отложил удочку в сторону и пристально посмотрел на товарища. Ванька на взгляд не ответил. Оглянулся на почти растаявшее солнце и глухо произнес:

– Сворачиваемся. Пора скотину загонять.

– Мы никуда не свернемся, пока ты толком не расскажешь, что тут творится! – решительно заявил я. – Деревни—миражи, рыбы—мутанты... Здесь что, какие-нибудь испытания проводили? Секретные?

– Сворачиваемся. Дома расскажу.

Солнце растаяло окончательно, на небо выползла большая круглая луна, бледная и унылая и привычно занялась океанскими приливами и лунатиками. Вслед за ней появились любопытные звезды: они мерцали, подмигивая друг другу, а некоторые особо резвые еще и падали за деревню. Говорят, пока звезда падает, нужно успеть загадать желание. Если бы жизнь была устроена так просто!

Ванька загонял коров и управлялся по хозяйству, а я приготовил на ужин толстых глазастых карасей и покрошил в большую тарелку огурцы с помидорами. Залил их подсолнечным маслом – ну не люблю я салаты со сметаной – и вышел на крыльцо покурить. И что же у них тут все—таки происходит? С крыльца была видна калитка и часть дороги – асфальт, положенный еще при советской власти, давно выкрошился, ямы засыпали мелким гравием, и редкие прохожие обходили их, спеша по своим делам. Крупная пятнистая дворняга выбежала на дорогу и застыла, повернув морду в мою сторону. Она стояла и смотрела на меня, и ее взгляд не был собачьим! Так смотрят люди: внимательно и изучающее, пытаюсь понять, кого же черт занес на твою территорию. Кто этот тип? Что он здесь делает?

Я нервно затянулся и вместо закончившейся сигареты вдохнул горький привкус подгоревшего фильтра. Оглянулся, ища пустую банку, выставленную для окурков, а когда повернулся обратно, собаки уже не было.

– Мечтаешь? – Ванька подошел так тихо, что я вздрогнул от неожиданности. – Ужинать пошли, мечтатель...

И снова меня удивил этот странный церемониал: прежде чем отвинтить пробку с бутылки, Иван закрыл на крючок дверь избы. Мы выпили по полстакана за встречу и налегли на рыбу и салат.

– Ну? – промычал я, напоминая об обещании раскрыть мне здешние тайны.

Ванька недовольно вздохнул, прожевал очередной кусок и ответил:

– Никаких испытаний здесь не было.

– А откуда тогда красные окуни?

– Понимаешь... рыбины эти очень редко попадаются. Что за дрянь такая – никто не знает. Но несколько сельчан у нас сильно... скажем так, потравилось. С тех пор мы красных окуней не едим – выбрасываем. Даже цыпам своим не даем.

– А что, на женщин они как-то по особому действуют? – удивился я.

– На каких женщин? – не понял Ванька.

– Ты ж сам сказал: «цыпам не даем»!

– Цыплятам, дурень!

– Ну, хорошо, – смущенно хмыкнул я, – с цыпами понятно. А что ты про Колдуны скажешь?

Ванька потянулся к бутылке и задумчиво посмотрел за окно:

– Давай выпьем, Миш! Сдались тебе эти Колдуны. Что знал – сказал.

– Ну давай... Только погоду, я до ветру схожу.

Ванька судорожно завернул пробку. Именно этого я и ожидал. Вышел на крыльцо, постоял пару минут, любуясь на звезды, и вернулся в избу.

– Дверь прикрой! – услышал я из-за стола.

– Ага, сейчас.

Нарочито громко щелкнул крючком о петлю, а затем взял и разлучил старинных дверных приятелей. Ванька отвинтил пробку, разлил по стаканам и... громко хлопнув входной дверью, на пороге кухни появился Архипыч. Еще более растрепанный, грязный и лохматый, чем несколько часов назад.

– Пуэдо ентрар? – поинтересовался он. – Что в переводе с испанского означает: можно ли мне войти?

– Я же сказал: дверь закрой, – с досадой поморщился Иван и, повернувшись ко мне, пояснил, – это учитель наш, бывший. Степан Архипыч. Когда-то иностранные языки в школе преподавал.

Бывший учитель подошел к столу, заграбастал хозяйский стакан, затем мой и поочередно их опустошил. Радостно выдохнул, поискал глазами, чем закусить и прихватил со стола огурец.

– Ты, эль хермано, наливай, – обратился он ко мне, – наливай, Михаил. Чего добру зря пропадать? Добро должно пропадать не зря!

– Степан Архипович, – я придвинул к себе бутылку, но наливать не спешил, внимательно разглядывая бывшего учителя. – Может, вы мне объясните... как коллеге... я ведь тоже учитель. Что у вас здесь творится в деревне?

– Вкусные у тебя огурцы! – обернулся к Ваньке незванный гость, поддевая вилкой пару зеленых кружков. – Сочные. Ни у кого в деревне таких нет. Никак удобряешь чем?

– Пометом куриным, – буркнул Ванька.

– А и то верно... – согласился Архипыч. – Как это раньше русский патан, то бишь мужик, говорил? Артамоны едят лимоны, а мы, молодцы, – одни огурцы. Миша, гость угощения просит, а ты медлишь! Это нихт хорошо и даже совершенно ужасно.

Как ни странно, но гость не выглядел пьяным – так, слегка навеселе. Я посмотрел на почти пустую бутылку и нацедил еще полстакана.

– У нас в деревне, – Архипыч выдохнул, влил в себя самогон и довольно крякнул, – все полный окей. А ежели ты, минун армас устава, что в переводе означает «мой милый друг», опять о колдунах, то вот что я тебе скажу. Не ходи...

Он внезапно оборвал свою речь и повел носом, словно собака, учуявшая дичь. Сунул в карман пару ломтей хлеба и, не говоря больше ни слова, стремительно вылетел из дома.

– Куда не ходить-то?! – выкрикнул я ему в спину, но дверь за Архипычем уже хлопнула, слова ударились о нее и отскочили обратно в дом.

– Куда не ходить-то? – я торопливо подобрал их и протянул Ваньке.

– А я знаю? – пожал он плечами, потянулся к подоконнику за сигаретами и неожиданно предложил. – Давай в шахматы сыграем, а? Лет пять уже ни с кем не играл.

Я не играл всего месяц, но продул вчистую пять партий подряд.

Глава 3

Ночью ко мне пришел Архипыч. Ввалился в мой сон без стука, уселся рядом на берегу озера, вытащил из кармана кусок хлеба с нашего стола и, жуя, заявил:

– Нет на Земле ничего более загадочного, чем озера.

Круживший над водой баклан обернулся в нашу сторону и зашипел, словно змея.

– Во, гляди! – толкнул меня локтем Архипыч. – Не нравится... В озерах, мин херц, таятся настолько необычные, настолько чудесные силы, коих мы ни представить, ни объяснить себе не можем. Ты когда-нибудь задумывался, Михаил, почему именно в озерах все время замечают доисторических чудищ? Шотландская Несси, североамериканские Огопого и Та—Зам—а, чукотский Калиглу и Стушерское чудо—юдо в Швеции... Десятки! Десятки страшных монстров от Южной Африки до Северной России живут в озерах и пугают местный пипл. Когда-нибудь ты задумывался над этим странным фактом? Куда тебе! Ты все пьешь и пьешь!

Словно фокусник, ловким движением руки он вытащил из моего пустого кармана бутылку вина, осушил ее одним глотком и с неожиданной злостью запустил в баклана. Тот ловко увернулся, прошипел что-то нецензурное и исчез.

– Демос чувствует страх, исходящий от озер, – продолжал тем временем Архипыч, – и не может его объяснить. И тогда он «населяет» озера монстрами, русалками и злыми духами. И как ему не чувствовать этот страх, ежели вокруг озер происходят странные, необъяснимые вещи? Ты знаешь, что по дну американского Рэйспэка перемещаются валуны, оставляя за собой борозды? А возле аргентинской Салантины люди неожиданно становятся невесомыми и взмывают в воздух? Что по турецкому Тузу можно летом ходить пешком прямо по поверхности? Что над новгородским Светлоярмом слышен колокольный звон, а в его воде отражается несуществующая церковь? Нет, ничего ты не знаешь, жадный пожиратель огненной воды!

Из второго кармана столь же эффектно появилась еще одна бутылка. Неожиданно для самого себя я вцепился в нее двумя руками, не отдавая Архипычу.

– Расскажи про Колдуны, – потребовал я.

– А я о чем? – удивился он. – Именно, что о колдунах! Где еще селиться магам и колдунам, как не на озере? Бачут, что сюда они пришли лет сто назад. Только, можно сказать, обосновались, обустроились, яранги свои поставили, говоря простым чукотским языком, как бац – и революция. Октябрьская. Большевики с красными звездами на чугунных головах. С этими не забалуешь. Но зато озеро оказалось что надо – его силы хватило, чтобы свой берег зачаровать. Так и живут с тех пор: вроде здесь, а вроде и нет их.

– И вижу берег зачарованный,

И зачарованную даль, —

задумчиво процитировал я.

– Просыпайся, – сказал Архипыч и потянулся за бутылкой.

– Рано еще, – помотал я головой. – Девчонка, что по соседству живет, она...

– Просыпайся!

– Нет, погоди! Про девчонку и собаку...

– Да проснись же ты, якорный бабай!

И я вылетел из собственного сна, оставив там Архипыча, бутылку вина и зеленые заросли камышей на берегу озера.

– Бужу его, бужу, – раздался ворчливый ванькин голос. – Сам же говорил, что с утра на рыбалку пойдешь.

– А что? – с трудом продирая глаза, я сел на кровати. – Оно уже приперлось?

– Кто оно? – не понял Ванька.

– Утрецо...

Свой сон я вспомнил по пути на озеро. И даже улыбнулся: приснится же такая ерунда. Солнышко уже карабкалось по веткам деревьев, где-то за околицей урчал работающий трактор, а навстречу неожиданно выбежала та самая дворняга, которую я вчера принял за шпиона. Собака как собака, добрая. Подбежала, обнюхала, а когда я наклонился и погладил ее по голове, завильяла хвостом. Тени вчерашних подозрений окончательно растаяли, и по тропинке, утонувшей в высоких зарослях полыни, я спускался, насвистывая популярный в городе шлягер. Собака, некоторое время бежавшая следом, куда-то запропала, тропинка вильнула в сторону и повела меня мимо покосившегося забора. Хотя, забор – это сильно сказано. Пара длинных жердей, прибитых к торчащим из земли столбам, лишь бы скотина не заходила. В огороде за оградой работала пожилая женщина в светлой косынке и резиновых перчатках. Приглядевшись, я увидел, что она собирает... божьих коровок. Брезгливо берет их пальцами, складывает в небольшой полиэтиленовый пакет, уже наполовину полный и идет дальше в поисках новой жертвы.

Я хотел тихо пройти мимо, но, услышав шаги, женщина резко обернулась. Выражение ее лица мне не понравилось. Недоброе было выражение, нехорошее. Болезненная бледность и синие круги под глазами делали женщину похожей на вставшего из могилы мертвеца. Темный язык облизал пересохшие губы, реальность неожиданно задрожала, и я вновь увидел, как сквозь одно человеческое лицо проступает иное – испуганное личико ребенка. Оно посмотрело на меня умоляющим взглядом и... исчезло.

– Ты чей будешь? – хриплым голосом спросила меня женщина. Теперь она выглядела лет на семьдесят.

– Ничей я... К Ваньке Плотникову приехал.

– Ты это, – старуха торопливо оглянулась по сторонам и, понизив голос, произнесла, – рыбу красную поймал ежель, не выбрасывай, понял? Мне принеси, я тебе заплачу.

Я коротко кивнул и ускорил шаг. Лучше пообещать и поскорее смотаться.

– Хорошо заплачу! – громкий шорох царапнул меня по спине и стих. Забор закончился, и я снова нырнул в заросли полыни.

На Озере было тихо и безлюдно. Даже вчерашние бакланы и те куда-то исчезли. Лениво покачивались камыши, плескался карась да солнечные лучи чертили по воде косые яркие линии. Волны касались кончиками пальцев берега, нежно поглаживая его по белому песку, и что-то невнятно шептали влажным языком. Чуть поодаль, на лугу, паслась спутанная лошадь – белая, словно единорог. Пейзаж был сказочным и таинственным, красочной иллюстрацией к еще ненаписанной сказке.

«Сумасшедшая», – решил я, пытаюсь выбросить из головы неприятную встречу. Но выбросить никак не удавалось. Вытащил сигарету, неторопливо закурил, положил рядом спиннинг и просто сидел и смотрел на прозрачную водную гладь. Густые заросли камышей скрывали от меня Озеро, и мельницу на том берегу, и весь остальной мир вместе с ней. Постепенно я успокоился, затушил окурок о сапог и принялся насаживать вялого вчерашнего червя на крючок. Встал, попытался «выстрелить» леску, как показывал мне Ванька, забросил ее куда-то в сторону, попытался еще раз... Наконец, крючок улетел под самые камыши, я успокоился, пристроил спиннинг на стоявшую у берега рогатину и уселся рядом. Колокольчик, привязанный к леске, уныло молчал, утро уплывало на запад, устроившись на мягких подушках облаков, и охотница на беззащитных божьих коровок, наконец, окончательно отвязалась от меня.

Первого карася я упустил. Он сорвался в воздухе, шлепнулся в воду и был таков. Попеняв себе за излишнюю суетливость, я приволок валявшийся неподалеку обрезок горбыля, и только

устроился на нем, как колокольчик оповестил о визите следующего гостя. На этот раз я был осторожен. Потихоньку наматывал леску, стараясь не делать резких движений, но... вытащил только пустой крючок. Вот же зараза!

Забросил снова, уселся на горбыль, достал сигарету, стал мять ее в руках, ожидая, что вот—вот клюнет. Но время тянулось и тянулось, колокольчик молчал, утро наливалось теплом и солнцем, а клева больше не было. Второй окурок полетел в воду, за ним третий. И тут поплавок дернулся, я схватился за удище и вытащил... красного окуня. Осторожно снял с крючка и принялся рассматривать. Окунь как окунь, жаль, что ядовитый... Хотел уже бросить его обратно в воду, как услышал за спиной чье-то рычание. Метрах в десяти от меня стояла та самая дворняга, с которой я повстречался по дороге на озеро.

Я не боюсь собак, даже самых злых. Но то, что находилось передо мной, не было собакой. Не было зверем. Напротив меня, угрожающе скаля прозрачные клыки и напряженно следя за каждым моим движением, расположилась потусторонняя тварь. В ее морду, словно в целлофановый пакет, были упакованы чьи-то лица, чьи-то глаза, чья-то злость, горячая и жаркая, словно огонь преисподней. Они сменяли друг друга, отталкивающие и жуткие и что-то беззвучно кричали мне. Тварь сделала несколько осторожных шагов, приноравливаясь к прыжку, я не выдержал и запустил в нее тем, что было в руках. Красным окунем—мутантом. Это оказалось единственно правильным решением. Тварь подпрыгнула, схватила зубами рыбу и, опустившись на землю, принялась жадно расправляться с ней, превращаясь обратно в собаку.

Завороженный этим жутким зрелищем, я даже не сразу сообразил, что нужно бежать отсюда, сломя голову. А когда все же сообразил, в кармане ветровки, неожиданно зазвонил мобильник. Я покосился на лежавшую на земле одежду. Телефон не мог звонить! В деревне, где жил Ванька не было мобильной связи, и я выключил свой сотовый, едва отъехав от райцентра. Выключил! И, тем не менее, из кармана доносилась знакомая мелодия старого блюза. Входящий звонок. Медленно, стараясь не делать резких движений, я присел на корточки и потянулся за ветровкой, не сводя глаз с собаки. Вытащил трубку, посмотрел на экран – он был темен и пуст. Что за чертовщина? Я поднес трубку к уху и тихо произнес:

– Аллю.

– Вам ну... ходить, – сквозь треск помех нельзя было даже разобрать кто со мной говорит, мужчина или женщина.

– Кто вы?

– Не бой... обаки... чинит вреда.

– Откуда вы говорите?!

Треск в трубке внезапно стих, и голос прозвучал вполне отчетливо:

– Немедленно уходите!

Говорила женщина.

– Послушайте, я ничего не понимаю...

– Поздно, – в трубке раздался разочарованный вздох и женщина смолкла. Но не отключилась, легкое потрескивание продолжало чуть слышно щекотать мое ухо.

Не успел я задать новый вопрос, как на тропинке, ведущей к озеру, показалось трое мужчин. Явно неместных. Недеревенских. Высокие шнурованные ботинки, кожаные куртки, темные водолазки...

– Вот он! – коротко бросил тот, что постарше.

Возглас мне не понравился. Первые пятнадцать лет своей жизни я прожил не в самом лучшем районе города, и твердо усвоил: если о тебе говорят в третьем лице, дело пахнет керосином. Машинально я сделал тоже, что и в детстве. Шагнул в сторону, словно в меня собирались стрелять, и принялся твердить слово-заклинание «мимо, мимо, мимо». Собственно, я просто отпустил это слово на волю, и «твердилось» оно само.

– В озеро! – ожила трубка. – Отходите в озеро. Не выходите на берег, через полчаса за вами приедут.

– Эй, парень! – почти одновременно раздалось с берега. – Ты шуточки с нами не шути. Покажись обратно.

Я удивленно посмотрел на своих преследователей: куда я им должен показаться? Стоявшие на берегу вели себя очень странно. Вертели головой по сторонам, настороженно прислушиваясь к шорохам и не обращая на меня никакого внимания. Словно меня вовсе и не было в десяти метрах перед ними. Может, рядом с Озером, я тоже превратился в мираж?

– Не серди меня, – в голосе Старшего звучала угроза. – Не покажешься, стрелять буду. Шальная пуля – тоже пуля, смотри, прилетит.

И он действительно вытащил пистолет. Если бы не эта угроза, я бы не тронулся с места. Плыть на другой берег невыносимо. Плавал я хорошо, но преодолеть километра четыре, а то и пять, мне не под силу. Да и кто сказал, что через пару секунд этот озерный морок не развеется, и парни не бросятся в озеро вслед за мной? И все же, увидев оружие, я развернулся и как был – в кроссовках, брюках и ветровке, бросился воду. Она обожгла холодом, но страх оказался сильнее – через несколько секунд я уже плыл вдаль от берега, жалея, что не успел сбросить обувь. Но разве у меня было на это время?

Сколько я пробыл в воде, не помню. Время никогда не отвечает нам взаимностью. Просишь его течь помедленнее – летит, словно ошпаренное. Просишь не томить ожиданием – тащится, как потерявший колесо дилижанс. Кажется, действительно прошло полчаса, но, скорее всего, гораздо меньше. На берегу появлялись и исчезали какие-то люди – все неместные, они патрулировали берег, что-то докладывали и приказывали друг другу, они искали меня... И это было удивительнее всего? Я никак не мог взять в толк зачем им понадобился. Наконец, я увидел лодку, плывущую в мою сторону. С берега ее увидели тоже: раздалась негодующие выкрики, а затем самый настоящий выстрел. Это подстегнуло меня – я рванул навстречу своему спасителю. С трудом перевалился через борт, упал на дно и мелко–мелко затрясся от холода.

– Потерпи, – услышал я густой мужской бас и отрубился.

Глава 4

Очнулся я в высокой траве на берегу. Прямо надо мной проплывало большое белое облако, почесывая мягкое пузо о верхушку сосны. Я лежал и нежился, словно в теплой солнечной ванне в разгар пляжного сезона.

Какой пляж? Какая жара?

Несколько мгновений я искал себя, собирая осколки воспоминаний. Рыбалка – озеро – незнакомцы – лодка... Стремительно приподнялся на локте и обнаружил, что лежу в странном переливающимся солнечном круге абсолютно голый.

– Очухался? – услышал я чей-то голос и обернулся.

Тот самый гребец, что приплыл за мной на лодке, стоял рядом и колдовал над моей одеждой. У него была небольшая выющаяся борода и большие зеленые глаза. Огромные глаза. Как у забавных человечков на японских анимэ. Мои одежда лежала в таком же солнечном пятне, только значительно меньше и жарче, она сохла...

– Закрой глаза, – попросил гребец. Я послушно опустил ресницы, а когда распахнул их, солнечных кругов уже не было. Дул прохладный ветерок, окружающая температура понизилась градусов на пятнадцать, и я зябко поежился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.